

ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА И ОБЫДЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Данная статья представляет собой рецензию на книгу Е.Г. Драгиной-Черной «Неформальные заметки о логической форме» (СПб.: Алетейя, 2015). Предлагается обзор структуры и основных идей книги. Рассматриваются аргументы в пользу динамической регулятивной модели логики. Приводится критический анализ аргументов автора, призванных продемонстрировать иррациональность обыденного мышления.

Ключевые слова: гилеморфизм, субстанциальная концепция, динамическая концепция, рациональность

LOGICAL FORM AND ORDINARY THINKING

Ekaterina Vostrikova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: katerina-vos@mail.ru

This is a review of the book by E.G. Dragalina-Chyornaya “Informal notes on logical form”. The review discusses the structure and the main ideas of the book. The review focuses on the author’s arguments in favor of the dynamic regulatory model of logic and provides a critical analysis of them.

Keywords: hylomorphism, substantial model of logic, dynamic model of logic, rationality

Книга «Неформальные заметки о логической форме» Е.Г. Драгиной-Черной посвящена обсуждению вопроса о статусе и природе логического суждения и его отношения к тому, как люди рассуждают в обыденной жизни. Что является предметом изучения логики? Правила, по которым строится успешное рассуждение? Идеальные правила мышления, существующие в третьем идеальном мире? Эти вопросы ставит автор и прослеживает историю их обсуждения от античности до наших дней.

Автор предлагает классификацию логического гилеморфизма – подхода, который рассматривает логику как теорию формальных отношений. В зависимости от предлагаемого ответа на вопрос о природе формы и формальных отношений, в рамках гилеморфизма автор выделяет субстанциальную версию и динамическую версию. В структуре книги в соответствии с данной классификацией выделяются два раздела, посвященные обсуждению истории и содержанию этих двух направлений.

Субстанциальная модель своим источником имеет аристотелевское различие материи и формы. Субстанциальная версия формальности трактует ее как абстракцию от материального. Автор указывает на то, что субстанциальная версия имеет множество модификаций, но в рамках данной книги предлагает обсуждение ее центральной модификации – понимание формальности как инвариативности и противопоставление этой инвариативности постоянно претерпевающему изменению материальному миру.

В рамках данной модели или версии, выделяется два подхода, которым посвящены две главы: «Схематическая формальность» и «Теоретико-модельная формальность».

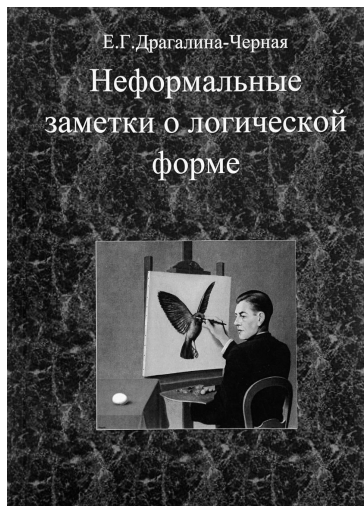
Основой для различия данных подходов служит понимание процедуры варьирования. Схематическая (подстановочная) формальность понимает варьирование как операции с терминами. Теоретико-модельная формальность понимает варьирование как операции преобразования моделей.

В рамках главы, посвященной обсуждению схематической формальности, обсуждаются аристотелевская логика, эллинистические комментаторы Аристотеля (Секст Эмпирик, Александр Афродизийский), средневековая философия (подробно обсуждаются идеи Августина и схоластов Уильяма Оккама, Жана Буридана, Фомы Аквинского).

Глава «Теоретико-модельная формальность» начинается с обсуждения идей Бернардо Больцано как предшественника основателя метода моделей Альфреда Тарского, и далее подробно рассматривается метод Тарского.

Автор, указывает на то, что теоретико-модельная формальность не учитывает динамику соотнесения языка и теоретико-множественных модельных структур. Она полагает, что недостатком субстанциальной модели в целом является игнорирование отношения формальности к той деятельности, в результате которой возникают формальные объекты и которую они призваны описывать.

Динамическая модель ориентирована именно на описание деятельности. Автор пишет: «В динамической модели формальность – что уступает место формальности – как» [Драгалина-Черная, 2015, с. 103]. Таким образом, формальность в рамках данного подхода соотносится не с объектами, а действиями агентов, осуществляемыми по определенным правилам и с определенными целями.

Динамическая модель рассматривает формальное как способ следования правилу и противопоставляет формальное не материальному, а неформальному поведению. Автор прослеживает истоки динамической модели в схоластическом понимании логики как формального искусства.

В рамках динамической формальности автор выделяет конститутивный и регулятивный подход, которые она обсуждает в соответствующих главах книги. Согласно конститутивному подходу, логика формирует условия возможности деятельности. Согласно регулятивному подходу, логика регламентирует независимо существующую деятельность. Различие между конститутивными и регулятивными принципами восходит к работам Дж. Ролза и Дж. Серля. Автор иллюстрирует это различие на следующем примере. Правила дорожного движения регулируют деятельность, существующую независимо от этих правил. Правила шахматной игры, в свою очередь, создают саму возможность игры.

В главе о конститутивном подходе в основном обсуждаются идеи Канта и раннего Витгенштейна. Автор указывает на то, что Кант трактует формальные правила общей логики не как объект познания, а как условие его возможности. Логика обладает универсальной нормативностью в отношении рассудка и разума, поэтому его идеи следует отнести не к схематическому, а к динамическому, конститутивному направлению.

К конститутивному направлению автор относит также подход Витгенштейна, сформулированный им в «Логико-философском трактате». Мотивация для такой классификации взглядов раннего Витгенштейна осталась для меня не вполне понятной. Представляется, что наиболее естественным было бы отнесение взглядов раннего Витгенштейна к теоретико-модельному подходу. Именно Витгенштейн формулирует один из основных постулатов современной формальной семантики (в основе которой лежит теоретико-модельный подход), разрабатываемой для естественных языков: значением предложения являются условия его истинности.

В качестве аргумента в пользу отнесения взглядов Витгенштейна к динамическому подходу автор приводит его знаменитую метафору строительных лесов.

«Логические предложения описывают строительные леса (das Gerüst) мира, или, скорее, изображают их. Они ни о чем не “трактуют”. Они предполагают, что имена имеют значение, а элементарные предложения – смысл; это и есть их связь с миром (6.124)». [Витгенштейн, 2008, с. 190] Автор предлагает интерпретировать строительные леса как конститутивное условие строительства.

Автор симпатизирует, однако, другому направлению в рамках динамического подхода, а именно регулятивному направлению (хотя и оговаривает, что дихотомия регулятивного и конститутивного не является абсолютной). К данному направлению относятся, прежде всего, работы позднего Витгенштейна и работы философов обыденного

языка, таких как Дж. Серл. Автор относит сюда же взгляды Д. Блура. Также в рамках данного подхода обсуждаются работы Я. Хинтикки, С. Тулмина, Дж. Лакоффа и др.

«Правила языковых игр логики конституируют институт логического», – пишет автор [Драгалина-Черная, 2015, с. 158]. Автор задается вопросом: кто открывает (создает?) логические правила? Создатель логической нормы обитает не в платоновском мире вечных истин, не в «третьем мире» Фреге, а в нашей институциональной реальности. А участниками институциональной реальности являются люди – целесообразно действующие агенты.

Создатель логической формы действует целесообразно: его цель состоит в достижении истины. Автор полагает, что правила логики могут помочь нам рассуждать эффективнее, соответственно следование этим правилам повышает рациональность действия, а значит правила логики могут носить регулятивный характер.

Однако, регулятивные правила носят не императивный, а рекомендательный характер, они допускают возможность их нарушения. Означает ли это, что правила логики могут нарушаться? Автор полагает, что у нас накопилось достаточно свидетельств того, что правила логики в действительности часто нарушаются людьми, даже самыми рациональными.

Можно выделить следующие критические аргументы автора, призванные продемонстрировать недостаточность субстанциального и конститутивного направлений.

Во-первых, автор приводит данные экспериментов, демонстрирующих, что люди нарушают правила вывода, а также могут действовать нерационально.

Во-вторых, автор приводит данные исследований, стремящихся показать, что люди с невысоким уровнем образования или относящиеся к примитивным культурам демонстрируют склонность к неформальной стратегии рассуждения.

В-третьих, способность к логике тренируется, как и любая другая способность (автор приводит данные сравнительного исследования [Драгалина-Черная, 2015, с. 154], показавшего, что знакомство с общими математическими принципами и отношениями повышает способность к решению логических задач.

Хотелось бы более подробно остановиться на некоторых из данных аргументов и поспорить с автором относительно того, действительно ли эти аргументы показывают, что люди мыслят /могут мыслить нерационально.

Автор пишет, что решающий вклад в дискредитацию претензий логики на нормирование обыденных рассуждений внесли эксперименты Питера Уэйзена и Рута Берна [Драгалина-Черная, 2015, с. 154].

В первом эксперименте испытуемым давалась задача на логику условных предложений. В одном случае эта задача была сформулирована при помощи букв и цифр, а в другом с использованием знакомых

названий городов и объектов. В первом случае практически половина людей совершала ошибку, во втором почти все ответили правильно. На мой взгляд, результаты данного эксперимента вполне совместимы с утверждением о том, что люди рассуждают разумно. Естественно, что использование знакомых выражений делает процесс вычисления более простым, требуются гораздо меньшие затраты памяти на запоминание условий задачи. К тому же ничего не сказано о том, было ли предоставлено неограниченное количество времени в экспериментальных условиях для решения задачи или решение требовалось предоставить за очень короткий промежуток времени. Результаты данного эксперимента можно интерпретировать следующим образом: люди рассуждают вполне разумно, если условия задачи вполне понятны и легки для запоминания.

Во втором эксперименте людям предлагалось рассмотреть два предложения, данные в (1) и (2):

(1) *Если ей надо написать эссе, она будет допоздна работать в библиотеке*

(2) *Ей надо написать эссе*

Около 90 % участников эксперимента делали правильный вывод: «она будет допоздна работать в библиотеке»

Однако при добавлении посылки, данной в (3), только 60 % испытуемых делали такой вывод (который остается формально правильным ответом). Иными словами, добавление посылки, данной в (3) мешало людям сделать правильный вывод, хотя добавление этой посылки не должно было влиять на него.

(3) *Если библиотека будет открыта, она будет допоздна работать в библиотеке*

На мой взгляд, можно выделить несколько проблем с данным экспериментом.

Во-первых, не приводятся данные о том, какой же вывод делали испытуемые в данном случае, хотя это могло бы пролить свет на то, каков был процесс рассуждения.

Во-вторых, существует определенные правила логики диалога, которым следуют рациональные субъекты. В частности, существуют множество исследований, посвященных значению условных предложений в естественном языке, таких как (3). Было отмечено, что такие предложения, как (3), несут импликацию, данную в (4) ([van der Auwera, 1997; Horn, 2000]). Импликация – это вывод, который как бы приглашается логикой диалога, но может быть отменен. Этот вывод не следует из условий истинности предложения, но совершается прагматически. (Процесс рассуждения здесь такой: если мне дается именно данное условие, то это значит, что если данное условие не выполняется, то ситуация будет противоположной, в противном случае, зачем бы оговаривалось данное условие).

(4) Если библиотека не будет открыта, она не будет допоздна работать в библиотеке

Носитель языка считывает импликацию автоматически [Grice, 1989].

В данном конкретном случае отмена импликации сопряжена с определенными сложностями, а именно ее отмена требует принятия предложения, данного в (5), а оно противоречит тому, что нам известно о внешнем мире.

(5) Даже если библиотека не будет открыта, она будет работать в ней допоздна

Многие исследователи также отмечали, что на наши суждения об условиях истинности условных предложений влияет контекст. В частности, в рамках данного эксперимента, испытуемые, следуя принципу доверия, полагали, что информация в (4) сообщается, поскольку она релевантна. Они полагали, что данная информация в (4) сообщается им в качестве оговорки, уточнения уже сказанного, (3) сообщается, чтобы сузить уже данный контекст оценки предложения, данного в (1).

Участники эксперимента действовали вполне рационально, исходя из логики диалога, когда из (1), (2), (3) делали такой вывод: «Если ей нужно написать эссе, она будет работать в библиотеке допоздна, если, конечно, библиотека будет открыта»,

Данный эксперимент, на мой взгляд, показывает следующее: если бы условные предложения естественного языка имели бы в качестве своего значения материальную импликацию, то мы бы ожидали, что участники эксперимента дадут ожидаемый ответ. Однако, условные предложения естественного языка (как это было показано уже в работах Д. Льюиса [Lewis, 1975]) имеют совсем другое значение. Кроме того, сюда примешиваются факты импликаций, а также тот факт, что рациональный участник диалога стремится интерпретировать предложения исходя из того, что его собеседник дает ему максимально релевантную и полезную информацию. Участники эксперимента, на мой взгляд, отвечали в полном соответствии с логикой диалога, таким образом действовали максимально рационально.

Сходные проблемы, на мой взгляд, содержатся в аргументах, которые, с точки зрения автора книги, показывают, что представители «примитивных» культур не способны мыслить рационально. В частности, автор приводит данные эксперимента, проведенного М. Коулом и С. Скрибнер [Драгалина-Черная, 2015, с. 144]. Экспериментаторы задавали либерийцам племени кпелле следующий вопрос: «Паук и черный олень всегда вместе едят. Паук ест. Ест ли олень?». Испытуемый отвечал: «Но меня там не было. Как я могу ответить на такой вопрос?»

На мой взгляд, такой ответ вполне можно интерпретировать как рациональный. Интерпретация таких выражений естественного языка, как «всегда» зависит от контекста. Например, высказывание

«я всегда здесь сижу» не обязательно интерпретируется как «я вообще никогда не схожу с этого места», а понимается как «во всех релевантных ситуациях, когда я нахожусь в этой комнате, я выбираю данное место». Можно обратить внимание на тот факт, что и в русском языке, следующий дискурс вполне является рациональным и возможным: «Я всегда сижу здесь, а в этот раз решила сесть в другом месте». Поскольку такие выражения, как «всегда» зависят от того, каким образом ограничивается их область действия, я не вижу никакого противоречия в ответе представителей племени кпелле. Опять же, в данном случае, экспериментаторы исходят из неправильного представления о значении предложений естественного языка и делают вывод о том, что люди отвечают нерационально.

Многочисленные формально-семантические исследования редких языков показывают, что эти языки обладают такой же выразимостью, как и русский или английский язык, они содержат кванторы, которые подчиняются логике кванторных выражений и т. д.

Еще один пример нерационального действия, обсуждаемый в книге, демонстрировали участники игры в ультиматум [Драгилина-Черная, 2015, с. 126]. Участникам предлагаются следующие условия: одному игроку выдается 100 марок и предлагается разделить деньги по взаимной договоренности. Игроки общаются через компьютер. Первый игрок предлагает, второй соглашается или нет. Всего дается одна попытка. Если второй игрок не принимает предложение первого, то никто ничего не получает. Стандартное предсказание для рационально действующих игроков, стремящихся к максимальной полезности: 99/1 (первому игроку рационально взять себе 99 марок, а второму согласиться на 1. Автор указывает, что вопреки данному предсказанию эксперименты в основном приводили к исходам 50/50 или 60/35. Кроме того, второй игрок отказывался от сделки, если ему предлагалось менее 30 %. На мой взгляд, результаты данного эксперимента вовсе не показывают нерациональность людей. Напротив, они показывают, что есть важный фактор «люди не хотят принимать несправедливо низкую оплату», который остается неучтенным, когда делается предсказание о «рациональном» исходе эксперимента. Первый игрок ожидает, что второй не захочет принимать несправедливую сумму и знает, что может потерять все, поэтому предлагает более справедливое распределение средств.

Таким образом, мне представляется, что данные аргументы вовсе не демонстрируют нерациональность, нелогичность поведения людей. В каждом из описываемых случаев присутствуют важные неучтенные обстоятельства, а агенты, напротив, действуют максимально рационально.

Особо хотелось бы отметить, что при обсуждении истории логики автор не замыкается в рамках западной логической традиции. Она проводит параллель между западной античной и индийской школой

философии и логики навья-ньяя [Драгалина-Черная, 2015, с. 23–27]. Также предлагается интересное обсуждение истории логики в древнем Китае [Драгалина-Черная, 2015, с. 147–150]. Таким образом автору удастся избежать европоцентризма, зачастую присущего исследованиям в области логики и формальной философии.

В целом книга представляет интерес для всех, кто интересуется историей и философией логики, а также формальной философией. Книга написана доступным языком, имеет четкую и понятную структуру. Автор ставит интересные и важные философские вопросы о природе логики, о рациональности, об отношении логики как науки к рассуждениям людей в обычной жизни и приводит и рассматривает интересные аргументы.

Список литературы

- Витгенштейн, 2008 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. 277 с.
- Драгалина-Черная, 2015 – *Драгалина-Черная Е.Г.* Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетея, 2015. 202 с.
- Grice, 1989 – *Grice P.* *Studies in the Way of Words*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1989. 406 p.
- Horn, 2000 – *Horn L.* From *if* to *iff*: Conditional Perfection as Pragmatic Strengthening // *Journal of Pragmatics*. 2000. No. 32. P. 289–326.
- Lewis, 1975 – *Lewis D.* Adverbs of Quantification // *Formal Semantics of Natural Language* / Ed. by E. Keenan. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 3–15.
- van der Auwera, 1997 – *van der Auwera J.* Conditional Perfection // *On Conditionals Again* / Ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 169–190.

References

- Wittgenstein L. *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus logico-philosophicus]. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 277 p. (In Russian)
- Dragalina-Chyornaya E.G. *Neformal'nye zametki o logicheskoi forme* [Informal notes on logical form]. Saint-Petersburg: Aleteia Publ., 2015. 202 p. (In Russian)
- Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 406 p.
- Horn L. From *if* to *iff*: Conditional Perfection as Pragmatic Strengthening. *Journal of Pragmatics*, 2000, no. 32, pp. 289–326.
- Lewis D. Adverbs of Quantification. In: E. Keenan (ed.). *Formal Semantics of Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975, pp. 3–15.
- van der Auwera J. Conditional Perfection. In: A. Athanasiadou and R. Dirven (eds.). *On Conditionals*. Amsterdam: John Benjamins, 1997, pp. 169–190.